

8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. /Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. /В.Н.Телия. - М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
10. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): Монография. /Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 232 с.
11. Eco U. Semiotik und Philosophie der Sprache. /U.Eco. – München: Fink, 1985. – 292 S.
12. EWD: Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / Leit. W.Pfeifer. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – Bd.1-3. – 1662 S.
13. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. /F.Kluge/ - 24. Aufl. / Bearb. von Elmar Seebold [elektronische Ausgabe auf CD-ROM]. – Berlin/New York: de Gruyter, 2002.
14. Nöth W. Handbuch der Semiotik /W.Nöth. - 2., vollst. neu bearb. und erw. Aufl. – Stuttgart [u.a.]: Metzler, 2000. – 667 S.

А.В. Полонский,
г. Белгород, Россия

ВОКАТИВ – САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ РЕЧИ?

Научный диалог, направленный на осмысление частей речи как важнейших грамматических категорий, развивается давно и отличается особой напряженностью и концентрацией мысли. Об этом свидетельствует не только значительный и постоянно обновляющийся корпус научных работ [Виноградов 1947; Кубрякова 1978, 1997; Милославский 1981; Поспелов 1954; Савченко 1959; Стеблин-Каменский 1974; Супрун 1971; Степанова, Хельбиг 1982; Шелякин 2001; Щерба 1957 Jodłowski 1971; Saloni 1974 и др.], но и существование многочисленных частеречных классификаций. Некоторые из них прочно вошли в современные академические и школьные грамматики и получили статус «традиционных». Тем не менее, как заметил М.И. Стеблин-Каменский, «совершенно очевидно, что распределение слов по частям речи – не результат логической операции, называемой классификацией, поскольку последняя, как известно, подчиняется всем правилам деления общего понятия и, в частности, тому основному правилу, что деление должно производиться по одному и тому же существенному и, конечно, совершенно определенному основанию. Там, где само основание деления неочевидно, нуждается в определении, там, конечно, не может быть речи о классификации в научном смысле слова» [Стеблин-Каменский 1974: 19]. Существующий «список» частей речи сформировался в результате некоторого компромисса между различными точками зрения, однако, как верно отмечает И.Г. Милославский, «принципиально компромиссный характер решений, принимаемых по вопросу о частях речи, приводит к тому, что проблема частей речи относится к числу “вечных” проблем в грамматике» [Милославский 2002: 465].

Непрочность «традиционных» оснований грамматической идентификации слова очевидна, и особенно она заметна с позиций современной, когнитивно-функциональной парадигмы лингвистических знаний [Панов 1999; Мурясов 1999; Кубрякова 2001; Котвицкая 2002; Кобрина 2005, 2008, Marody 1987 и др.], что и побуждает исследователей к поиску новых решений.

При осмыслении проблемы частеречной объективации порождаемых человеком смыслов и значений необходимо учитывать то, что язык – это не только символическая система, но и способ отображения всех мыслимых разновидностей опыта человека [Сепир 2003: 152] и что культура – это протекающий внутри человеческой психики процесс познания, в котором участвуют все повседневные культурные практики человека одновременно [Hutchins 1995: 356].

В процессе освоения многообразного и изменчивого мира и «переложения» его на язык мысли создается адекватный человеку формат концептуальной картины мира, объективируемой в системе языка (языковая картина мира), поэтому анализ языковых категорий, вырастающих из

категорий когнитивных, требует учета как онтологических свойств объекта познания, так и особенностей самого познания, обусловленного совокупностью психологических, культурологических и социальных факторов. При этом категоризации подвергается не только многообразное объектное пространство, которое познающее «я» наблюдает, фрагментирует и классифицирует («я → он»), выстраивая его языковой образ (семантическая функция третьего лица), но и коммуникативное, в котором я, попадая в систему иных, субъектно-субъектных («я ↔ ты») отношений, приобретает новое, интерактивное качество (семантическая функция второго лица, или адресата).

Возникшие в результате деятельности человека пространства (объектное и коммуникативное), с одной стороны, отражают «универсальный алфавит человеческой мысли» [Вежбицка 1999: 135], а с другой – имеют этнокультурную маркировку, поскольку результат осознания и его языковой объективации всегда имеет артефактный характер.

Остановимся на рассмотрении одного из способов объективации средствами русского языка адресатной семантики.

Ключевым репрезентантом, или прототипом как «когнитивным ориентиром категории» [Болдырев 2002: 82], является местоимение ты, которое некоторые исследователи, на мой взгляд, совершенно справедливо, квалифицируют как классический вокатив [Tokarski 1973], комплекс категориальных признаков которого выступает в качестве эталонного. Изосемические же лексические репрезентации, в той или иной степени соответствующие своему прототипу, определяются Д.Э. Розенталем как «слова-обращения» [Современный русский язык 1971: 529] и традиционно относятся к именам существительным с синтаксически обусловленным значением обращения [РСС: 346 – 350].

Однако права ли в данном случае традиция? Нет ли здесь возможности иной интерпретации, ведь, как известно, имя существительное как часть речи объективирует результат когнитивной деятельности человека, то есть мысль о предмете, который можно представить в конкретных временных и пространственных границах с присущими ему признаками – как статическими, так и динамическими. При этом диагностирующими функциями имени существительного являются: 1) функция подлежащего (субъекта); 2) функция сказуемого (предиката); 3) функция дополнения (объекта); 4) функция определяемого слова. К уникальным свойствам имени существительного относится свободная синтагматика с признаковыми словами.

Если пропустить сквозь данное признаковое «сито» все «классические» субстантивы, то на их фоне совокупностью своих специфических признаков будет выделяться ряд лексем, таких как: батенька, браток, голуба, голубушка, голубчик, девонька, детка, дорогуша, дружище, золотко, золотце, касатик, лапушка, лапонька, милаша, милка, милок, милочка, ненаглядная, ненаглядный, паря, робя, роднуля, соколик, старина, сударик, сударка, сударь, сударыня, сударушка, упогребляющихся практически в единственной функции – обращения. Назовем их по присущей им функции вокативами.

Вокативы, в отличие от имен существительных, объективируют не мысль о предмете, вскрывающую его свойства, а обозначают функцию собеседника (адресата) и характер устанавливаемых intersubъектных отношений. Специфика вокативов заключается, таким образом, в том, что они не называют, как имена существительные, совокупности объектов внеязыковой действительности, каждый из которых имеет свои, сугубо индивидуальные признаки, а обозначают лицо как некоторую социально-ориентированную коммуникативную модель. Другими словами, вокативы, обозначая лицо по присущей ему коммуникативной роли адресата, предиктируют не индивидуализирующую информацию, а лишь те признаки, которые восребованы в конкретных условиях коммуникативного акта, а именно: ● социально-референтный признак (адресат выше – равен – ниже говорящего), ● гендерный признак и/или ● эмоционально-оценочный признак. Как, например: «Голубчик, -а, м. (разг). Ласковое обращение к мужчине. // ж. голубушка» [Ожегов: 127]; «Милочка, -и, ж. (разг) Ласковое обращение к женщине, девочке» [Ожегов 323]; «Сударь, -я, м. Устар. Форма вежливого обращения к мужчине из привилегированных слоев общества» [МАС IV: 300]; «Сударыня, -и,

род мн. -рынь, ж. Устар. Форма вежливого обращения к женщине из привилегированных слоев общества» [МАС IV: 300].

Как видим, семантическая структура, хотя полностью и не совпадает с прототипической, однако близка к ней, поэтому с этой точки зрения их можно рассматривать в качестве не имен существительных, обозначающих фрагменты реальной действительности, а в качестве стилистических синонимов лексемы ты – главного репрезентанта коммуникативного пространства человека. Кроме того, в отличие от имен существительных, вокативы, как правило, не выступают в функциях ни подлежащего, ни сказуемого. Их диагностирующей функцией является именно обращение, предизирующее об адресате лишь коммуникативно значимую информацию.

Исходную форму вокативов, по всей видимости, следовало бы квалифицировать как не номинативную (именительный падеж), а вокативную (звательный падеж), поскольку номинативная форма – это грамматический маркер познаваемого и осваиваемого субъектом пространства реальной действительности, противопоставленного коммуникативному [Tokarski 1973; Кульпина 1984; Полонский 2001]. Случаи же падежной «драматургии» вокативов, то есть их употребления в косвенных падежах, обнаруживают возможные грамматические способности, проявляющиеся в условиях своеобразного цитатного употребления, то есть перенесения адресатного имени из коммуникативного пространства в некоммуникативное: «Сергей... прибавил робко: "Извините, сударь". Это извинение совсем взбесило офицера ...: "Я тебе не сударь, а государю моему штабс-ротмистр!.. Сударь! Если бы не дамы, я бы ему такого сударя показал"» (А. Куприн).

Особенности вокативов проявляются и в их ограниченной синтагматике: они не могут иметь предикативное определение, а в качестве непредикативного могут выступать лишь те имена прилагательные, которые выражают эмоциональное отношение говорящего к адресату (такие, как милый, дорогой, родной), и местоимения мой / наш, испытывающие, в свою очередь, процесс десемантизации и адъективации с приобретением коммуникативного значения «сокращения дистанции» или «близости»: «Дорогой дружище Геннадий» (В. Аксенов); «Голубчик мой» (А. Куприн). Репрезентируя «осознаваемое» количество лиц: «Голубчик, сделай одолжение...» (С. Довлатов); «Идемте, голубчики» (А.И. Пантелеев). Кроме того, вокативы не могут, как субстантивы, сочетаться с именами числительными.

В связи с постоянной близостью вокативов к своему прототипу ты напрашивается вывод о том, что вокативы по своим грамматическим признакам ближе к классу местоимений, чем к именам существительным. Однако возникает и другая мысль: не является ли ты репрезентантом другой части речи, то есть «классическим» вокативом, со свойствами которого «сверяются» остальные единицы данного семантико-грамматического ряда. Этот вывод звучит еще убедительнее, если учесть тот факт, что репрезентативная форма лексемы ты вокативная, о чем свидетельствует не только частотное употребление лексемы в качестве стилистически маркированного обращения: «Эй! Ты! Здравствуй!» (Г. Мамлин), но и само коммуникативное пространство, которое и не может быть репрезентировано иначе, поскольку первичной, задаваемой говорящим функцией адресатного имени является призыв, инкорпорированный в соответствующую грамматическую форму. Грамматикализация лексического значения является общим признаком всех вокативов.

Промежуточными лексико-грамматическими свойствами обладает замкнутая группа «гибридных» лексем, таких как: господин, госпожа, дама, товарищ, гражданин, гражданка, девушка, женщина, молодой человек, мужчина и некоторых других, именуемых иногда «субститутами местоимения второго лица» (Есперсен 1958: 253) или «местоименными субститутами» (Pisarkowa 1979: 6). К примеру: «Господин, соблаговолите, пожалуйста, отворить» (А. Куприн); «Гражданин!.. – строго повысила голос девушка» (В. Шукшин); «Товарищи! Не все у нас благополучно» (Б. Ласкин); «Граждане, действительно у купца бумажник свистнули» (М. Зощенко). Двойственное положение, вызванное их устойчивым употреблением в адресатной функции, формирует их грамматическую специфику.

Вместе с вокативами они объединяются, на мой взгляд, в так называемый корпус слов категории адресатности [Полонский 1999].

Таким образом, русский язык объективирует приобретенные в результате практического освоения коммуникативного пространства человеком знания не только в отдельном слове как уникальной, выросшей из практики «клеточке языка» [Лурия 1979], но и в особом классе слов категории адресатности, включающем вокативы и вокативные субституты. Как видим, есть серьезные основания рассматривать вокативы в качестве самостоятельного грамматического класса слов, обладающего комплексом специфических признаков: 1) категориальным значением адресата; 2) синтаксической функцией обращения; 3) особыми сингагматическими свойствами; 4) уникальной падежной парадигмой, в которой репрезентирующей является вокативная форма.

Литература

1. МАС – Словарь русского языка / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. – М., 1981 – 1984.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1991.
3. РСС – Русский семантический словарь // Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2002.
5. Вежбицка А. Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой классификации “частей речи” // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – С. 134 – 168.
6. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.-Л., 1947.
7. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.
8. Кобрин Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. – С. 74 – 94.
9. Кобрин Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике // Известия Смоленского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 5 – 10.
10. Котвицкая Э. К вопросу о категоризации частей речи в русском языке (в рамках современной лингвистической парадигмы) // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики. – Poznań, 2002. – С. 95 – 99.
11. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М., 1978.
12. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997.
13. Кубрякова Е.С. О Когнитивной лингвистике и семантике термина “когнитивный” // (Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4 – 10).
14. Кульпина В.Г. Сопоставление грамматических категорий существительных и личных местоимений // Исследование по славянскому языкознанию. – М., 1984. С. 67 – 80.
15. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1979.
16. Милославский И.Г. Морфологические категории русского языка. – М., 1981. – 155 с.
17. Милославский И.Г. Культура речи и русская грамматика. – М., 2002. – 160 с.
18. Мурясов Р.З. Лексико-грамматические разряды в грамматике и словообразовании // Словообразование и лексические системы в разных языках. Выпуск № 1: Межвуз. сб. науч. тр. – Уфа, 1994. – № 4. – С. 55 – 84.
19. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.
20. Полонский А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности. – М., 1999.
21. Полонский А.В. Эготив, вокатив, номинатив: субъект и падежная парадигма // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 46 – 51.
22. Поспелов Н.С. Учение о частях речи в русской грамматической традиции. – М., 1954.
23. Савченко А.Н. Части речи и категории мышления. – Ростов-на-Дону, 1959.
24. Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. – М., 2003.
25. Современный русский язык / Под ред. Д.Э. Розенталя. – М., 1971.

26. Стеблин-Каменский М.И. К вопросу о частях речи // Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. – Л., 1974. – С. 19 – 34.
27. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и валентности в современном немецком языке. – М., 1982.
28. Супрун А.Е. Части речи в русском языке. – М., 1971.
29. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. – М., 2001.
30. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 63 – 84.
31. Hutchins E. Cognition in the World. – Cambridge, 1995.
32. Jodłowski S. Studia nad częściami mowy. – Warszawa, 1971.
33. Marody M. Technologie intelektu. Językowe determinanty wiedzy potocznej i ludzkiego działania. – Warszawa, 1987.
34. Pisarkowa K. Jak się tytułujemy i zwracamy do drugich // Język Polski. – 1979. – № 1. – S. 5 – 17.
35. Saloni Z. Klasyfikacja gramatyczna leksemów polskich // Język polski. – 1974. – № 54. – S. 3 – 13; 93 – 101.
36. Tokarski J. Fleksja polska. – Warszawa, 1973.

А.П. Седых
г. Белгород, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ ЭМОЦИИ «COLÈRE - ГНЕВ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность определенных компонентов, в которую входят эмоциональные представления, эмоциональные понятия, эмоциональные концепты. Вербализуясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование. Эмоциональная языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности.

Манифестация эмоций этноспецифична по определению, что обусловлено разнообразными факторами экстра- и интралингвистического порядка. Механизмы передачи эмоций могут быть как вербальными, так и невербальными. Каждая конкретная семантико-психологическая и эмоционально-эстетическая манифестация эмоциональных состояний обусловлена особенностями языкового сознания личности как обобщенного образа носителя и проводника культурных, языковых, коммуникативно-деятельностных и поведенческих реакций.

Наблюдения над способами вербализации базовых эмоций «joie – радость», «tristesse – печаль», «colère – гнев», «peur – страх» позволяют говорить о высокой значимости данных категорий для французской лингвокультуры. Лексикографические способы предъявления эмоций, фразеологический и афористический фонд, паремии и цветообозначения отличаются богатством используемых средств национального языка.

Объектом анализа в данной статье выступают языковые репрезентации эмоции «colère - гнев» во французском языке. Гнев – эмоция неудовлетворенности каким-либо явлением, выражение резко отрицательного отношения к нему. Может иметь разные степени, вплоть до эффектной вспышки. Проявляется в действиях, мимике, пантомимике, речи. Причинами гнева у одного человека выступают непонимание или осуждение другими людьми его порывов и поступков, у другого – преграды на пути реализации собственных устремлений. Регулирование внешних и внутренних проявлений оправданного или неоправданного гнева основывается на умении управлять собой, знании норм культурного поведения.

Ещё два столетия назад Стендаль писал: «Важно изучать оттенки и нюансы, ибо француз, итальянец, англичанин и немец по-разному гневаются, ревнуют, мстят, скучают и по-разному отправляются «на охоту за счастьем». Позднее Альбер Камю напишет: «И я хочу поговорить с вами о гневе. Вспомните. На мое удивление внезапной вспышкой гнева одного из ваших начальников вы откликнулись так: «Но это тоже очень хорошо. Просто вы не понимаете. Французы лишены этой добродетели – способности гневаться». Нет, это не так, просто французы не любят щеголять своими добродетелями. Они вспоминают о них лишь в